

Глава 41

Создание семьи

Атмосфера стала неловкой.

Лицо Сяо Жунуна вспыхнуло — то ли от гнева, то ли от смущения. Не проронив ни слова, он проследовал к своему месту и сел.

К счастью, рядом был Гао Сюньчжи, мастер светского общения. С улыбкой он предложил всем сесть, распорядился подать чай и совершенно естественно велел посторонним удалиться, включая тех самых девушек, что не смели поднять головы.

Сяо Жун с ледяным видом сверлил их взглядом. Эти знатные кланы проявили настоящую заботу: каждая семья прислала по две-три женщины — обязательно одну юную и одну постарше. Юным было не больше четырнадцати-пятнадцати, старшим — не более двадцати.

Вероятно, юных предназначали Сяо Жуну, а тех, что постарше, — Гао Сюньчжи.

Канцлер Гао обменивался любезностями с гостями, украдкой поглядывая на своего спутника. Он был поражён не тем, что знатные кланы преподнесли в дар женщин — для человека его положения это было обыденностью, — а тем, что о Сяо Жуне ходили слухи как о любителе женского общества.

В любое время брак был самым быстрым способом укрепить отношения, однако... они преподнесли девушек из своего клана, а не из собственной семьи. Это уже нельзя было считать брачным союзом, это было простое заискивание.

Главы кланов, вероятно, и сами поняли, что просчитались. Мысленно обругав последними словами бывшего инспектора Чэньлю, они продолжили любезно улыбаться собеседнику.

Разговор начался с пустых светских фраз: как доехали, каков урожай. Постепенно они перешли к главному. Гао Сюньчжи объявил, что Чжэньбэй-ван намеревается построить на берегу реки Цюйшуй длинную улицу для удобства жителей, временно названную Байбао цзе — Улица Ста сокровищ. Название подразумевало, что любой, кто придёт сюда, сможет найти любое сокровище Поднебесной.

Почему не «Тяньбао» — «Небесные сокровища»? Иероглиф «тянь» нельзя было использовать бездумно. Даже если бы они назвали улицу так сейчас, в будущем какой-нибудь щепетильный чиновник мог потребовать его сменить. Лучше было с самого начала выбрать название, не посягающее на авторитет императорской власти.

В настоящее время на обоих берегах реки Цюйшуй, кроме пристани и деревень, почти ничего

не было. Хотя река и протекала в черте города, самые оживлённые кварталы располагались не у главной водной артерии, а у небольших речушек — там было проще строить мосты, и, если кто-то падал в воду, мог быстро выбраться. Людям нужна была вода, чтобы набирать её или стирать одежду. Судходство и связь с дальними землями простого жителя не волновали.

Главы кланов вспомнили, какой пустынной была та местность у реки Цюйшуй, и переглянулись в недоумении.

Гао Сюньчжи, видя, что вопросов не последовало, понял — план их не заинтересовал. Он поспешно продолжил рассказ.

Вообще-то, всё это должен был говорить Сяо Жун, но тот, ошарашенный подношением в виде девиц, теперь мог лишь сидеть с каменным лицом. Перед встречей они с Гао Сюньчжи договорились, что один будет играть роль «злого полицейского», а другой — «доброго». Теперь же всё перевернулось: умудрённый опытом и авторитетом канцлер стал «добрым», а молодой и ещё не заслуживший всеобщего признания Сяо Жун — «злым».

Слушая собеседника, Сяо Жун внимательно наблюдал за реакцией собравшихся.

Первый шаг в городском планировании — не позволять людям селиться где вздумается, а создавать районы, объединяющие схожие функции, чтобы сократить транспортные расходы. Первой системой, разделившей жилые и торговые зоны, была фаншичжи — система кварталов и рынков. Но Сяо Жун не собирался её копировать. Она была слишком строгой и на деле подавляла развитие торговли. Он хотел создать специализированную торговую улицу и либо поощрить, либо приказать большинству торговцев переехать туда. Тех, кто откажется, он трогать не станет.

Когда торговая улица будет построена, люди сами хлынут туда. И те, кто не захотел переезжать, примут новое решение. Кто-то уйдёт, кто-то останется, но пара-тройка упрямцев погоды не сделает.

Главное — чтобы эта улица вообще была построена.

Сначала — переезд торговцев, затем — привлечение покупателей, после — строительство пристани, создание флотилии и караванов, и, наконец, формирование полноценного торгового района, чьё влияние быстро распространится на окрестные земли.

Название «Цюйшуй» звучало незнакомо, но у реки было и другое имя — Лантан цюй, Канал Волчьего супа. На востоке она соединялась с Хуанхэ, на западе — с рекой Хошуй, на юге достигала озера Цзюйе, а на севере через реки Жу и Ин связывалась с рекой Хуай.

Если Чэньлю был транспортным узлом Центральной равнины, то река Цюйшуй — сердцем этой разветвлённой водной сети. Мысль о том, чтобы не использовать такое место для развития торговли, лишила бы Сяо Жуна сна.

Гао Сюньчжи изо всех сил расхваливал будущую Байбао цзе. Здания построит армия Чжэньбэй, на улице будет патруль для защиты интересов торговцев и горожан. Как первая торговая улица Чэньлю, она будет освобождена от комендантского часа, и торговать здесь можно будет даже ночью.

Гао Сюньчжи упомянул и литературный сборник. Он пройдёт именно на Байбао цзе, для чего они построят огромную площадь. И даже после окончания сборника здесь будут регулярно проводиться песни и пляски, лотереи, конкурсы и прочие мероприятия. Некоторые — бесплатные, некоторые — за плату. Но и те, и другие привлекут на улицу множество людей, и каждый торговец окажется в выигрыше.

И надо сказать, главы кланов, выслушав его, действительно заинтересовались. Они принадлежали к богатым, но не слишком влиятельным семьям, которым было далеко до знатных родов, чьи отпрыски занимали посты при дворе. С самого зарождения их класса императоры постоянно их притесняли: сначала запретили браки со знатью, потом — службу их детей при дворе. Это лишило их чувства безопасности, заставляя постоянно подкупать новых чиновников в надежде на защиту.

Если армия Чжэньбэй готова защищать их дело, это, безусловно, хорошо.

К тому же канцлер Гао, с виду такой честный, оказался весьма хитёр. Лотереи, конкурсы — они о таком и не слыхивали. Похоже, он отлично разбирается в торговле. Может, он и вправду сможет сделать Байбао цзе процветающей.

Знатные кланы были людьми решительными. Открыть пару лавок? Не проблема. Но стоило им согласиться, как Гао Сюньчжи с лучезарной улыбкой сообщил, что армия Чжэньбэй будет взимать арендную плату.

Причём не фиксированную, а в зависимости от дохода. С каждой сделки армия будет забирать десятую часть.

Главы кланов замерли.

«Не думай, что мы не поняли, просто сменив название. Это же торговый налог!»

Ещё минуту назад оживлённо беседовавшие мужчины разом замолчали.

Это было предсказуемо. Кто не расплывается в улыбке, когда ему сулят деньги, и кто не хмурится, когда деньги требуют у него? Тем более в эту особую эпоху торговый налог был отменён вот уже почти тридцать лет.

В самом начале династии Юн основатель, император Хэ Куй, ввёл торговый налог, причём весьма обременительный — треть дохода. Торговцам не оставалось ничего, кроме как бросать

своё дело и возвращаться к земледелию. Это на время наполнило казну Хэ. За счёт высоких торговых налогов и податей с крестьян Хэ Куй купался в золоте.

После его смерти потомки решили, что этого мало, и продолжили повышать налоги. Появились бесчисленные поборы. Если раньше у людей просто не было пути к жизни, то теперь не стало и пути к смерти — налоги взимали даже с покойников. Кто мог такое стерпеть? Вскоре Поднебесная погрузилась в хаос.

Двор, видя, что дело плохо, поспешно отменил беспорядочные поборы и значительно снизил торговый налог — до одной двадцатой.

Торговля вновь расцвела, но двор так и не оправился. Императоры сменялись каждые несколько лет. Во времена императора Тайнина случился мятеж нескольких князей. Города стали заботиться только о себе, центральная власть практически перестала существовать, и тогда появилось новое явление — таможенная пошлина.

Это означало, что при провозе товара через город нужно было платить налог. Если путь был долгим, то к концу путешествия весь товар мог уйти на уплату пошлин.

Для караванов это было губительно, но для местных торговцев — выгодно, ведь они никуда не выезжали и налогов не платили. Постепенно таможенная пошлина вытеснила торговый налог, и тот канул в Лету.

Десять лет назад, когда династия Юн перенесла столицу на юг, на какое-то время исчезли не только торговые налоги, но и таможенные пошлины. Эти местные кланы вели дела только в Чэньлю, и единственной их тратой были взятки чиновникам. Размер подношений не был фиксирован и зависел от человека, стоявшего у власти. К таким тратам они привыкли, но сама мысль о налогах вызывала у них резкое отторжение.

Они полагали, что своим отказом смогут заставить армию Чжэньбэй передумать. Но это было невозможно. Торговый налог будет введён, и не только на Байбао цзе, а для всех торговцев Центральной равнины.

Но Сяо Жун не мог просто объявить об этом. Слишком жёсткие меры могли привести к волнениям в городе. Поэтому он решил действовать методом «варки лягушки в тёлой воде»: сначала дать им вкусить выгоду, а потом сделать их примером для подражания, чтобы они первыми начали платить налоги.

Сяо Жун не сомневался: когда они начнут грести деньги лопатой, они не смогут отказаться от лавок на Байбао цзе. А тех, кто не будет платить налоги, он просто вышвырнет вон.

Однако начало оказалось непростым. Гао Сюньчжи несколько раз пытался оживить беседу, но не встречал никакой реакции. Он беспомощно посмотрел на Сяо Жуну. Тот, поджав губы, пожалел, что не взял с собой свой драгоценный меч. Что ж.

Сяо Жун сделал лёгкий вдох и с улыбкой обратился к ним:

— Господа опасаются, что ставка налога вырастет? Не стоит беспокоиться. Десятая часть — это максимум. В будущем она будет только снижаться, но никогда не превысит этой цифры. Если вы не верите, мы можем заключить договор. Что написано пером, того не вырубишь топором.

Сидевшие напротив мужчины лишь криво усмехнулись.

Мало ли договоров было разорвано? К тому же они имеют дело с армией Чжэньбэй, которая славилась своей жестокостью и беспринципностью.

Видя, что они по-прежнему непреклонны, Сяо Жун, помолчав мгновение, добавил:

— Помещения предоставляет наша армия. Вам нужно лишь подготовить прислугу и товар. Если вы хотите открыть харчевню или постоялый двор, товар и вовсе не нужен. Мы будем брать плату, только если вы получите прибыль. Если прибыли не будет, мы не потребуем с вас ни гроша.

Услышав это, один из глав кланов поднял голову. Сяо Жун говорил дельные вещи. Их семьи были богаты, даже если они отправят несколько человек поработать там пару месяцев, ничего страшного не случится. Будет прибыль — хорошо, не будет — просто потеряют немного времени.

Он уже хотел было открыть рот, но сидевший рядом свирепо на него зыркнул. Тот испуганно тут же снова опустил голову.

Сяо Жун мысленно хмыкнул.

«Отлично»

Больше всего он ненавидел, когда при нём сбивались в стаи. Со знатными родами ему пока не совладать, но уж с этой кучкой богатеев он как-нибудь справится.

Лицо Сяо Жуна мгновенно похолодело. Он повернулся и приказал стражнику:

— Позовите Великого вана.

Гао Сюньчжи замер, а главы кланов разом вскинули головы.

Позвать... позвать Великого вана? Цюй Юньме? Того самого Цюй Юньме, который отрубил

голову инспектору Цзиньнина за одно неосторожное слово?

Главарь группы улыбался так, словно вот-вот расплачется.

— Мы тут обсуждаем сущие пустяки, зачем же интенданту Сяо беспокоить Великого вана? Право, не стоит тревожить его покой.

Сяо Жун окинул его ледяным взглядом и процедил сквозь зубы:

— Я исчерпал все добрые слова, канцлер Гао разъяснил вам все выгоды и риски, но вы, господа, не желаете принимать доброту. Видимо, ни я, ни канцлер Гао для вас не авторитет. Что ж, я позову Великого вана. Изложите ему свои причины отказа платить аренду. Не бойтесь, Великий ван — человек самый что ни на есть разумный. Если убедите его, на этом всё и закончится.

Главы кланов застыли в ужасе.

«Убедить Цюй Юньме? Да кто посмеет! Хочешь нашей смерти — так и скажи!»

Тем временем Сяо Жун кивком велел стражнику поторопиться. Тот, послушно кивнув, бросился бежать. Главы кланов всё ещё сидели с ошарашенными лицами, не в силах прийти в себя.

Поняв, что Сяо Жун не шутит, они тут же отбросили всю свою спесь. С рыданиями они принялись уверять, что готовы открыть там лавки, готовы платить аренду, десять процентов так десять процентов, сколько скажут — столько и заплатят, только не зовите Великого вана!

Гао Сюньчжи молчал.

«И стоило так бояться?»

Только тогда Сяо Жун сменил ледяной тон на тёплую улыбку. Он помог им подняться, похлопывая по рукам и успокаивая. Затем повернулся и велел другому стражнику догнать первого и сказать, что звать Великого вана уже не нужно.

Однако главы кланов всё ещё с опаской поглядывали на него, боясь, что он снова переменится в лице.

Видя их покладистость, Сяо Жун, который не планировал сегодня говорить о литературном сборнике, решил воспользоваться моментом. Он объявил, что для проведения мероприятия требуются три организатора: один предоставит кисти, тушь, бумагу и тушечницы, другой — чай и закуски, а третий займётся обустройством места. Все трое смогут во время мероприятия

привлекать клиентов, если будут делать это не слишком навязчиво.

Главы кланов растерянно смотрели на него, не понимая, что значит «привлекать клиентов».

Сяо Жун вздохнул.

Он тихо объяснил, что можно, например, выгравировать название своего клана на столах, стульях или даже тарелках. Можно предложить гостям по маленькой чаше вина, но не больше. Если захотят ещё — пусть идут в их лавку и покупают. То же самое с письменными принадлежностями. Нужно лишь проявить немного смекалки, чтобы прорекламирровать свою марку.

Кроме того, на сборнике, конечно же, будут их слуги. Если одеть их в одинаковую одежду, научить быть расторопными и вежливыми, то гости, даже не говоря ни слова, заметят их отличие от других и потом будут искать заведения с таким же уровнем обслуживания.

Лица глав кланов выражали изумление. Оказывается, и так можно! Обычно их клиентами были простые горожане, учёные мужи заходили редко. Если удастся привлечь многих из них, это уже само по себе принесёт славу. А если кто-то из победивших на сборнике учёных остановится в их постоялом дворе, то от постояльцев отбоя не будет!

Это было куда лучше, чем платить налоги, ведь это разовая акция. Денег у них хватало, а подготовить всё необходимое — сущий пустяк. Сяо Жун с улыбкой наблюдал, как они возбуждённо перешёптываются. Наконец до одного из них дошло.

Их было четверо, почему же Сяо Жун сказал, что нужно только трое?

Сяо Жун приподнял бровь и изложил свои условия. Право на организацию литературного сборника он выставит на торги, в которых смогут участвовать все состоятельные жители города. А критерием отбора будет сумма спонсорского взноса.

«...Опять деньги!»

Но это было не то же самое, что налоги. Всё добровольно. Кто не хочет — может отказаться, он не станет принуждать. А желающие могут прийти к канцлеру Гао частным порядком, не нужно больше собираться толпой.

Выслушав его, главы кланов помрачнели.

Прийти вместе — можно было хотя бы договориться. А поодиночке... кто знает, что у других на уме? Вдруг все сговорятся не участвовать, а один придёт и заберёт себе все три подряда? Тогда останется только смотреть, как он купается в лучах славы?

И сколько платить? Заплатишь мало — деньги на ветер. Заплатишь много — боязно прогадать.

К тому же конкурентами будут не только они четверо. Интендант намеревался устроить торги для всего города. И хотя кланов, способных организовать мероприятие такого масштаба, было немного, и все они друг друга знали, отношения между ними были... далеко не дружескими.

Вошли они с опаской, а выходили — в холодном поту. Сяо Жун проводил их взглядом и, радостно повернувшись к Гао Сюньчжи, улыбнулся.

— Мне нравятся эти люди. Такие милые.

Гао Сюньчжи молчал.

«Такие “податливые”», — подумал он.

Он сокрушённо улыбнулся и уже хотел было что-то сказать, как у входа раздался знакомый мрачный голос.

— Кто тебе понравился?

Гао Сюньчжи и Сяо Жун одновременно обернулись. Сяо Жун удивлённо моргнул.

— Великий ван, почему вы здесь?

Разве он не велел стражнику сказать, что звать его уже не нужно?

Услышав этот вопрос, Цюй Юньме вдруг замер, а затем странно усмехнулся:

— Что, мне и прийти уже нельзя?

Сяо Жун и Гао Сюньчжи растерянно переглянулись, совершенно не понимая его реакции.

Цюй Юньме, видя, что они смотрят друг на друга, а не на него, разозлился ещё больше:

— Где эти знатные господа?!

Сяо Жун, недоумевая, честно ответил:

— Ушли.

Цюй Юньме помолчал секунду и снова спросил:

— А женщины, которых они привели?

— Не знаю, должно быть, забрали с собой... — ответил Сяо Жун.

— Не забрали, — вставил Гао Сюньчжи. — Как можно забирать то, что уже преподнесено в дар? Я велел стражникам разместить их там, где живут танцовщицы. Позже нужно будет расспросить об их происхождении. Тех, что из знатных семей, отдадим в наложницы господам советникам или генералам, а тех, что попроще, оставим здесь служанками.

Тут Гао Сюньчжи вдруг вспомнил:

— А Жун, ты ведь хотел нанять нескольких служанок для старой госпожи Сяо?

— Да, есть такое, — кивнул Сяо Жун. — А Шу — мужчина, многого он не понимает.

— Вот и славно, — улыбнулся канцлер Гао. — Может, А Жун тоже пойдёт выберет кого-нибудь?

Сяо Жун открыл было рот, но не успел ничего сказать.

— Нет! — раздался резкий голос Цюй Юньме.

Оба посмотрели на него. Цюй Юньме, встретив их недоумевающие взгляды, несколько секунд спокойно смотрел в ответ, а затем произнёс:

— Пока неясно, друзья нам эти кланы или враги. За присланными ими женщинами нужно понаблюдать. Ради безопасности старой госпожи Сяо лучше купить служанок со стороны. По крайней мере, они не окажутся чужими шпионками.

Сяо Жун удивлённо приподнял бровь. А ведь Цюй Юньме говорит дело.

Он повернулся к Гао Сюньчжи:

— Великий ван прав. К тому же эти женщины — не простые служанки. Я не смогу относиться к ним как к обычным прислужницам. Благодарю канцлера за доброе намерение, но я действительно не хочу, чтобы в моём доме были люди, которым я не доверяю.

Гао Сюньчжи махнул рукой, показывая, что всё понимает, и поднялся, чтобы распорядиться судьбой женщин. Раз уж главы кланов отправили их сюда в качестве служанок, готовых согреть постель, их собственная судьба была незавидна. По крайней мере, здесь их никто не

тронет.

Гао Сюньчжи ушёл, а Цюй Юньме остался, странно поглядывая на Сяо Жуна.

После этого случая он вдруг обратил внимание на то, чего раньше не замечал: у Сяо Жуна не было наложниц.

Но Сяо Жун был прекрасен, словно сошедший с картины нефритовый лес. Как могло случиться, что рядом с ним не было ни одной женщины?

Цюй Юньме не понимал, а когда он чего-то не понимал, то спрашивал напрямую.

Сяо Жун молчал.

Затем он с невозмутимым видом ответил:

— Последние восемь лет я провёл в странствиях, и моя семья не могла устроить мою женитьбу. Когда странствия закончились, я отправился служить Великому вану, а в дороге жениться не пристало. Мой же принцип — только жена, никаких наложниц. Поэтому до сих пор я один.

— А, — кивнул Цюй Юньме. — А я-то думал, это из-за твоего слабого здоровья, что ты не можешь жениться.

Сяо Жун застыл.

«Моё здоровье, может, и слабое, но все функции у меня в полном порядке!»

Он в сердцах возразил:

— Почему Великий ван спрашивает меня об этом? Мне всего девятнадцать, а Великому вану уже двадцать четыре. То, что рядом с вами никого нет, куда более странно.

Этот вопрос застал Цюй Юньме врасплох.

Он не был из тех генералов, что клянутся не жениться, пока не уничтожат врага. С тех пор как он прибыл в Южную Юн, ему постоянно пытались сосватать невесту, но он всем отказывал.

Во-первых, он не знал, сколько ему отведено. Может, завтра же его голова слетит с плеч от вражеского меча. Во-вторых, он терпеть не мог женскую болтовню. И Цзянь Цяо, и Гунсунь Юань после женитьбы изменились. Генерал Цзянь стал больше времени проводить дома и меньше пить, потому что его жена не любила, когда он пьёт. А Гунсунь Юань... внезапно

полюбил брать наложниц.

Но он думал, что рано или поздно тоже женится. Ведь он мужчина, а мужчина должен создать семью.

Однако он не мог представить себе образ своей будущей жены. Как бы он ни старался, в его воображении была лишь пустота, даже смутных очертаний не возникало. В конце концов он сдался и туманно ответил Сяо Жуну:

— Моя судьба ещё не пришла.

Сяо Жун безмолвно на него уставился.

«Надо же, какой ты романтик, ещё и в судьбу веришь. Кого же угораздит связать с тобой свою судьбу? Это ж нужно в прошлой жизни взорвать детский сад, чтобы в этой оказаться привязанным к тебе»

И тут Сяо Жун замер.

Он вдруг вспомнил, что в каком-то смысле тоже связан с Цюй Юньме... Нет, они не связаны на всю жизнь. Как только он возведёт Цюй Юньме на престол, он будет свободен.

Эта мысль заставила холодный пот, выступивший на его спине, мгновенно испариться. Словно избежав страшной участи, он улыбнулся и спросил собеседника:

— Великий ван, не хотите ли отобедать со мной?

Цюй Юньме молчал.

«Почему ты ешь так много раз в день?»